

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беликов В. И., Крысин Л. П.** Социоллингвистика. – М. : Изд. Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. – 315 с.
2. **Березин Ф. М.** Место и роль русского языка в постсоветской России // Теория и практика общественно-научной информации : сб. – 1997. – Вып. 13. – С. 24–28.
3. **Поливанов Е. Д.** За марксистское языкознание // Сборник популярных лингвистических статей. – М. : ФЕДЕРАЦИЯ, 1931. – 183 с.
4. **Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование /** под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – Кн. 1–4. – 367 с.
7. **Крысин Л. П.** Русский язык как язык национального меньшинства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М. : 1994. – С. 121–126.
5. **Кожемякина В. А., Колесник Н. Г., Крючкова Т. Б.** Словарь социоллингвистических терминов. – М. : ИЯ РАН, 2006. – 312 с.
6. **Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».** – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html>.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 327 + 339

**СТРАТЕГИЯ SOFT POWER В ДИСКУРСИВНОМ
КОМПЛЕКСЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ШОС***

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков (Екатеринбург)

В статье рассматриваются основные интерпретации и стратегии soft power в современных международных отношениях в рамках ШОС. Согласно представленной гипотезе дискурс soft power выступает важным инструментом политического влияния. На основании дискурс-анализа документов ШОС выявляются ключевые идеи стратегии «мягкой силы» стран-участниц Шанхайского соглашения. Согласно авторам, к структурным компонентам soft power относятся: экономическая привлекательность, человеческий капитал страны, культурный капитал, дипломатические, политические и медийные ресурсы и др. Значительное внимание уделяется китайской национальной модели soft power.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, ШОС, международные отношения, дискурс, дискурс-анализ, китайская модель soft power.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-13-66001 а(р) и проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2013

Русакова Ольга Фредовна – доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии и права, Уральское отделение РАН.

E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Институт международных связей.

E-mail: dipi@nm.ru

THE SOFT POWER STRATEGY IN THE DISCURSIVE COMPLEX OF THE SCO MEMBER-STATES

O. F. Rusakova, V. M. Rusakov (Ekaterinburg)

The article considers the main interpretations and strategies of soft power in the contemporary international relations in the framework of SCO. According to the suggested hypothesis, the soft power discourse is an important instrument of political influence. On the basis of discourse-analysis of the SCO documents, there are revealed the main ideas of the SCO soft power strategy. According to the authors, the structural components of the soft power are: economic attractiveness, human capital of the country, cultural capital, diplomatic, political and media resources. The greatest attention is paid to the Chinese national model of soft power.

Key words: soft power, SCO, international relations, discourse, discourse-analysis, Chinese national model of soft power.

Стратегия «мягкой силы» (soft power) в последнее время логически и теоретически вписывается в проблематику развития современных межгосударственных коммуникаций. Своему быстрому внедрению в научный и политический оборот понятие «soft power» обязано, прежде всего, работам американского специалиста по внешней политике Дж. Ная [1]. В основании политической стратегии под названием «мягкая сила» лежит идея о существовании эффективных инструментов государственного управления, представляющих собой силы, альтернативные инструментам военного принуждения и экономического давления, которые в современной литературе обозначаются понятием «жесткая сила» (hard power).

Применительно к конфликтным международным ситуациям под hard power подразумеваются силовые и ультимативные способы их разрешения, включающие применение вооруженного вмешательства, экономической блокады, информационную войну. Под давлением hard power объект воздействия вынужден подчиниться более сильному партнеру. В отличие от жесткой власти soft power не воспринимается в качестве силы, которая принуждает подчиняться. Мягкая власть основана не на принуждении и давлении, а на механизмах аттрактивности (привлекательности) и seduction (соблазна). Популярность стратегических разработок «мягкой силы» обусловлена тем, что политические практики soft power приносят осязаемый эффект в деле улучшения и продвижения имиджа конкретных государств на внешнеполитической арене. Исследователями выделяются следующие разновидности soft power, связанные с продвижением имиджа страны в политическом пространстве: 1) soft power, создающая привлекательный образ страны в связи с проведением мирной внешней политики в целях усиления международной безопасности; 2) soft power, направленная на поддержку общественного единства целого ряда стран, а также – единства конкретной нации.

Исторически так сложилось, что институты жесткой власти оказывались более развитыми, поскольку лучше финансировались из государственных бюджетов, чем институты мягкой власти. Рост военных,

экономических и административных расходов сегодня по-прежнему опережает рост финансирования гуманитарных, культурных и научно-образовательных государственных программ. В ситуации разворачивания постиндустриального тренда данная диспропорция отрицательно сказывается на развитии совокупной мощи государств. Преодоление диспропорции между ресурсами *hard power* и *soft power* – одна из важнейших стратегических задач современных государств. В концептуальном плане политическое искусство комбинирования инструментария «мягкой» и «жесткой» силы обозначается понятием «умная власть» (*smart power*).

При сравнении государственных программ в области эффективного использования ресурсов «мягкой силы» эксперты фиксируют значительное отставание России от других государств, в том числе от ряда государств – членов ШОС (Китай, Казахстан). Председатель Правительства Российской Федерации Д. Медведев, выступая 3 сентября 2012 г. на совещании руководителей зарубежных представительств Россотрудничества, сославшись на исследование, проведенное в Сколково, заявил, что Россия находится на 10-м месте в мире по индексу мягкой силы. В то же время по индексу жесткой силы Россия занимает одно из первых мест. Такая диспропорция, по мнению премьер-министра, снижает конкурентоспособность страны. Среди инструментов *soft power*, которые бы могли исправить диспропорцию, Медведев назвал применение механизмов вовлечения иностранных граждан в культурные обмены и расширение российского рынка международных образовательных услуг. Премьер-министр заявил, что в целях развития «мягкой силы» страны поставлена следующая цель: к 2020 г. пять российских университетов должны войти в сотню ведущих университетов мира [2].

Следует отметить, что за последние три десятилетия количество «мобильных студентов», то есть обучающихся за пределами своей страны, возросло более чем в 4 раза (с 0,8 млн чел. в 1975 г. до 3,7 млн чел. в 2009 г.). Согласно прогнозам, к 2020 г. этот показатель достигнет 5,8 млн чел. и 8 млн чел. – к 2025 г. Вслед за студенческой мобильностью растет международная академическая мобильность, в основном благодаря деятельности специализированных служб содействия экспорту образовательных услуг и академическому обмену преподавателей и студентов. Широкую известность приобрела модель глобального научно-исследовательского университета (*global research university*), в рамках которой университеты становятся не только активными производителями новых знаний, но и распространителями инновационной деятельности [3].

В свое время в вузах СССР обучались многие тысячи иностранных студентов из стран Восточной Европы, Азии, Африки, Центральной Америки. Однако сегодня Россия значительно уступает США, Великобритании, а также Китаю по финансированию международных образовательных программ. По данным ЮНЕСКО, в 2007 г. в вузах США обучалось 595 900 иностранных студентов, что составило 21,3 % от общего числа иностранных студентов в мире. Наибольшее число студентов на учебу за рубеж посылает Китай – 421 100 чел. [3]. После распада СССР доля России в международном рынке образовательных услуг неуклонно снижалась. В 2007 г. Россия принимала всего 2 % от общего количества обу-

чающихся за рубежом иностранных студентов. Сейчас Россия по показателям числа иностранных студентов находится лишь на девятом месте, привлекая в основном студентов из стран СНГ. С 2011 г. наблюдается процесс постепенного преодоления кризиса soft power как инструмента влияния России в мировом культурно-образовательном пространстве. В правительственных кругах началась работа по разработке концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации, а также подготовка проекта «Русская школа за рубежом». В перспективе ставится задача перенаправления мобильных студенческих потоков в российские вузы из крупнейших мировых демографических центров – Китая и Индии. Специалисты считают, что потенциал России достаточен, чтобы довести долю страны на мировом рынке образовательных услуг до 10 % [3].

Стратегия soft power является одной из приоритетных внутри Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Об этом, в частности, свидетельствует проведенный нами дискурс-анализ документов ШОС. Дискурс-анализ текстов нормативных документов – в рамках наиболее распространенного и более-менее общепринятого сегодня понимания термина «дискурс» [4, с. 5–34] – позволяет установить как артикулированные, громко заявленные тенденции и предложенные политические практики, так и не вполне вербализированные интенции.

Одно из центральных мест в дискурсивном комплексе ШОС отводится понятию безопасности. Для дискурса безопасности ШОС характерна интерпретационная многомерность. Во-первых, безопасность трактуется как ненаправленность против кого-либо, во-вторых, – как необразование союзов, в-третьих, – как неконфронтационность модели межгосударственных отношений. Кроме того, в начальных документах организации специально указывалось, что ее участники ни в коем случае не будут рассматривать друг друга в качестве соперников. В отличие от практики ООН, было заявлено, что «определение конкретных форм и механизмов региональной безопасности – прерогатива и ответственность расположенных в данном регионе государств». В дальнейшем предполагалось «создание структуры глобальной безопасности нового типа» [5]. В специальной Декларации пояснялось: «Исторически сложившиеся различия в культуре и традициях, политической и социальной системах, в системах ценностей и определении путей развития не должны использоваться в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела других государств» [5]. В дальнейшем, подводя итоги десятилетия ШОС в 2011 г., Астанинская декларация добавит понятие «пространство неделимой безопасности» [6]. Кроме того, в данной декларации в качестве главных инструментов soft power, проверенных десятилетним сотрудничеством, были названы принципы взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, взаимных консультаций, уважения к многообразию культур, стремление к совместному развитию.

Неизбежная конкретизация дискурса безопасности, определенная логика его, побуждали участников организации к тому, чтобы сформулировать угрозы безопасности. С самого начала существования ШОС в числе угроз были названы терроризм, сепаратизм и экстремизм [7]. В дальнейшем к ним будут добавлены наркотрафик и трансграничная

преступность. Следует назвать еще один аспект дискурса безопасности – это учет возможности влияния на ШОС со стороны других организаций и государств. По мере роста международного и регионального влияния ШОС усиливается внимание к ней со стороны различных субъектов международных отношений. В связи с этим в октябре 2008 г. была принята «Временная схема взаимоотношений Шанхайской организации сотрудничества с другими международными организациями и государствами». В данном документе обращает на себя внимание такая категория, как «гость». Гость получает приглашение только по предварительному согласию всех государств-членов. Гость не имеет права подписывать документы, гость не участвует в совместных встречах министров. Приглашение в качестве гостя на заседание СМИД носит разовый характер и не означает автоматического приглашения на последующие заседания СМИД. Одновременно в качестве гостей в заседании могут участвовать представители не более двух государств и/или не более двух международных организаций [8]. И, наконец, дискурс безопасности в документах ШОС включает в себя такой важный компонент, как поддержание стабильности в зоне своей ответственности [5].

Значительная часть дискурсивного комплекса ШОС центрируется вокруг понятия «сотрудничество». Прежде всего, очерчиваются пространство и пределы его: ШОС определяется как региональная организация, ставящая своей целью организацию и поддержание разнообразного сотрудничества своих членов – в экономике, культуре, международных отношениях. Что же нового вносит эта организация в сравнении с тем, что провозглашается и осуществляется общепризнанными международными институтами весь послевоенный период? Обращает на себя внимание введенный в оборот концепт «Шанхайский дух» [5]. Авторы так определяют эту новацию: «Шанхайский дух, являясь основным целостным понятием и важнейшим принципом деятельности, обогатил теорию и практику современных международных отношений», означает «демократизацию международных отношений», практикование «неконфронтационной модели межгосударственных отношений, которая бы исключала мышление времен «холодной войны», стояла бы над идеологическими различиями» [5].

При ближайшем рассмотрении, демократизация международных отношений (явно навеянная широко распространенной, в том числе в ООН, практикой «выкручивания рук» слабым и зависимым партнерам со стороны «сильных мира сего», единственным спасением от которой является лишь вето постоянного члена Совбеза) понимается как неукоснительное соблюдение принципа консенсуса. Еще один аспект, акцентируемый ШОС, – не только «придерживаться принципа достижения самого широкого согласия, но «не устанавливать временные лимиты для проведения реформ» (принятия решений) и не навязывать проекты, по которым существуют хоть мало-мальские различия в позициях стран. Более того, участники ШОС стремятся возвести сотрудничество на уровень «дружбы», которую государства-члены будут передавать из поколения в поколение [5]. Не менее социетально звучит встречающееся в документах предложение о гармоническом сотрудничестве и развитии. Особенно

часто в документах употребляются формулы «многопрофильное сотрудничество», «культурно-гуманитарное сотрудничество», «духовное сближение», «межкультурный диалог» народов и государств – членов ШОС.

Наибольших достижений в области успешного применения инструментов и дискурса soft power добился Китай. Сегодня китайские технологии soft power зарубежные аналитики рассматривают в качестве мощной силы роста внешнеполитического влияния страны [9–10]. В государственной стратегии развития Китая до 2020 г. были сформулированы следующие задачи целенаправленного строительства «мягкой силы» 1) создание системы стержневых социалистических ценностей; 2) формирование гармоничной культуры, воспитание цивилизованных нравов; 3) широкое распространение национальной культуры, строительство общего духовного очага китайской нации; 4) продвижение новаторства в культуре [11, с. 150].

Согласно китайским исследователям, существует неразрывная диалектическая связь между «твердой» силой и «мягкой» силой. «Мягкая сила» трактуется ими как мудрость, выраженная в ходе применения «твердой силы». Укрепление «твердой силы» сопряжено с увеличением «мягкой силы». И даже в том случае, когда «твердая» сила несколько укрепляется, совокупная государственная мощь может сократиться в связи с ослаблением «мягкой силы» [11, с. 154]. В настоящее время политологами, изучающими феномен китайской «мягкой» мощи, разрабатывается комплексная теоретическая модель soft power, которая может лечь в основу конструирования стратегической модели soft power для всех стран – членов ШОС.

С учетом международного опыта разработки стратегий soft power, включая опыт стран-членов ШОС, можно выделить следующие основные структурные компоненты как государственных, так и региональных моделей «мягкой силы»: 1) Economic Soft Power (экономическая «мягкая» сила) – экономические аттракторы или показатели экономической привлекательности, включая инвестиционную; 2) Human Capital Soft Power – гуманитарный капитал, основанный на привлекательности системы общего и университетского образования, научной и технологической деятельности; 3) Cultural Soft Power – инструменты культурного влияния, а именно, – международное признание значимости и величия культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций, туристическая привлекательность страны распространение национального языка и национальной кухни; 4) Social Soft Power – эффективная социальная политика, межнациональные и межконфессиональные отношения, основанные на принципах толерантности и взаимоуважения, социальная защищенность населения; 5) Political Soft Power – система показателей уровня развития институтов политической демократии и защиты прав человека; 6) Diplomatic Soft Power – дипломатическая репутация страны, показатели эффективности дипломатических усилий в сфере переговорного процесса, степень миролюбия, способность к предотвращению агрессии и нейтрализации угроз, способность к установлению глобальной повестки дня [9]; 7) Media and PR-Resources of Soft Power – информационное и

PR-обеспечение маркетингового продвижения стран и международных объединений во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом пространствах; 8) Ideational Resources of Soft Power – наличие идеологии, обеспечивающей сохранение национальной идентичности, укрепляющей единство нации и устойчивость ее государственных институтов. К отдельным видам soft power современные исследователи относят также институциональную власть (статусное положение страны в международных институциональных объединениях), репутационную власть или власть репутационного имиджа, репрезентационную власть (способность эффективно продвигать собственное видение событий, свою интерпретационную и информационную модель политической реальности методами дипломатии, пропаганды и медиаконтроля) [10, с. 208–211].

В России в настоящее время происходит активизация теоретической работы по созданию национальной модели soft power. Однако практическая деятельность по развитию «мягкой силы» страны наталкивается на серьезные препятствия, связанные с министерским волюнтаризмом в области реформирования системы образования, академических институтов (пресловутая реформа РАН), высшей школы. Определенную угрозу в области развития культурно-образовательного разнообразия как одного из ресурсов soft power представляют государственные проекты по созданию единой концепции истории России, по разработке новых учебников по русской литературе, исключая целый ряд классических произведений. Подобные проекты, на наш взгляд, идут вразрез с мировым трендом конкурентного сосуществования разнообразных концепций и культурных ценностей, который принимается во внимание исключительно умной властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Най Дж.** Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М. : Тренды, 2006. – 224 с.
2. **Топорков С., Курляева О.** Премьер-министр обозначил внешнеполитический приоритет России // Российская газета. – 2012. – 3 сент.
3. **Материалы** к заседанию Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации. Образование как инструмент «мягкой силы» и «умной власти» во внешней политике России. – [Электронный ресурс]. – URL: http://budgetrf.ru/Publication/Magazines/VestniksF/2012/VSF_NEW2012_10191208_p_003.htm (дата обращения: 14.03.2013).
4. **Русакова О. Ф.** Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 7. – С. 5–34.
5. **Декларация** пятилетия Шанхайской организации сотрудничества, 15.06.2006-6. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://infoshos.ru/ru/?id>.
6. **Астанинская декларация** десятилетия Шанхайской организации сотрудничества, 16.06.2011. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://infoshos.ru/ru/?id>.
7. **Шанхайская конвенция** о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 15.06.2001. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://infoshos.ru/ru/?id>.
8. **Временная схема** взаимоотношений Шанхайской организации сотрудничества с другими международными организациями и государствами. 23.10.2008. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://infoshos.ru/ru/?id>.

9. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia // Political Science Quarterly. – 2011. – Vol. 126. – N 2. – P. 232–241.
10. Holl Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – Vol. 3. – N 3. – P. 198–211.
11. Цзайци Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. – 2009. – № 4. – С. 149–156.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 37.0 + 316.3/.4 + 821.0

«ПОПАДАНЧЕСКАЯ» ФАНТАСТИКА: НЕУЗНАННОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ «СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА»?*

Л. Г. Фишман (Екатеринбург)

В статье делается попытка ответа на следующие вопросы: чему может научиться наш современник из фантастических произведений о «попаданцах»; как это соотносится с имеющим место кризисом образования; какой социальный заказ невольно выполнила отечественная фантастика, породив вал произведений о «попаданцах»? Делается вывод, что нужда в новом соотношении человека, его образования и типа цивилизационного развития ощущается в современной России, является искомым социальным заказом. Его и выполняет «попаданческая» фантастика, которая, пусть и с многочисленными издержками, рисует субъекта, склонного менять мир, опираясь на опережающее знание и мировоззрение.

Ключевые слова: образование, опережающее знание, попаданцы, фантастика, социальный заказ.

«POPADANCHESKAYA» («GETTING TO A STRANGE PLACE») FANTASY FICTION: IS IT AN UNRECOGNIZED REALIZATION OF A «SOCIAL REQUEST»?

L. G. Fishman (Yekaterinburg)

In the article, an attempt to answers the following questions is made: what can our contemporary learn from the fantasy fiction works about “popadanets” (“people getting to some strange places”); how it corresponds to the current crisis of education; what social request has been involuntarily realized by the domestic fantasy fiction, which has generated a big wave of works about “popadanets”? The conclusion is made that this social request is the need for a

*Работа выполнена при финансовой поддержке проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Фишман Л. Г., 2013

Фишман Леонид Гершевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН.